

Анна ЧЕПУРНОВА

В ЭТОЙ РУБРИКЕ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О ЗНАКОВЫХ ИМЕНАХ, ИНТЕРЕСНЫХ СОБЫТИЯХ И ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТАХ, КОТОРЫЕ УПОМИНАЮТСЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА. ИНФОРМАЦИЯ АДРЕСОВАНА ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ИНОСТРАННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ, ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ.

Саров

«XXXXXXXXXXXXXXXXXX», стр. XX

На гербе этого города, расположенного в Нижегородской области, изображены колокольня и ядро атома. Так уж получилось, что в XVIII и XIX веках здесь стоял монастырь, а в XX веке на его месте построили военный завод.

И всё-таки сейчас большинство россиян при упоминании Сарова первым делом подумают о жившем там в конце XVIII – начале XIX века преподобном Серафиме Саровском, одном из самых почитаемых русских святых. Впрочем, в те времена это место называлось Саровской пустыней. В 1691 году её основал иеромонах Исаакий, учредив иноческую обитель на берегу реки Саровки (от финно-угорского слова

«сара», что означает болото). К концу XIX века монастырь достиг своего расцвета. А после канонизации Серафима Саровского, прошедшей в 1903 году с пышными торжествами, на которых присутствовал император Николай II, обитель преподобного Серафима стала одним из центров духовной жизни в России.

Революция 1917 года сыграла роковую роль в судьбе монастыря – все его храмы и святыни были осквернены, и в 1927-м его ликвидировали официально. Тогда на месте Саровской пустыни организовали сначала детскую трудовую коммуну, а потом колонию для детей и взрослых заключённых.

В годы Второй мировой войны в Сарове находился завод, где изготавливали корпуса снарядов для «катюш», советских боевых машин реактивной артиллерии. В 1946-м тут построили советский ядерный центр, что обеспечило приток сюда представителей технической интеллигенции (потенциальных театральных зрителей). Предприятие практически сразу стало режимным, и территория Сарова превратилась в закрытую зону. В 1954 году посёлку присвоили статус города и назвали Кремлёв. В начале 1960-х он был переименован в Арзамас-75, а в 1966-м – в Арзамас-16 (так как находится он действительно неподалёку от настоящего Арзамаса).

С 1995 года город носит своё прежнее, историческое имя. Здесь расположен Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики. А ещё в Сарове снова открыт мужской монастырь, который возродили в 2006 году по инициативе учёных-физиков.

Александр Фадеев (1901–1956)

«XXXXXXXXXXXXXXXXXX», стр. XX

Много лет Александр Александрович Фадеев страдал от мучительного раздвоения. С одной стороны, он очень любил писательский труд, а с другой – его привлекала должность начальника: на протяжении почти двух десятилетий он вершил судьбы советских литераторов, будучи секретарем Союза писателей СССР. Фадеев неоднократно жаловался, что из-за руководящей работы у него не остаётся времени на то, чтобы писать книги, однако политическую и общественную деятельность не прекращал. Между тем, уже занимая высокий пост, Фадеев создал одну из самых знаменитых своих книг – «Молодую гвардию», роман о бесстрашных юных подпольщиках, действовавших на территории оккупированного фашистами города Краснодона в 1942–1943 годах.

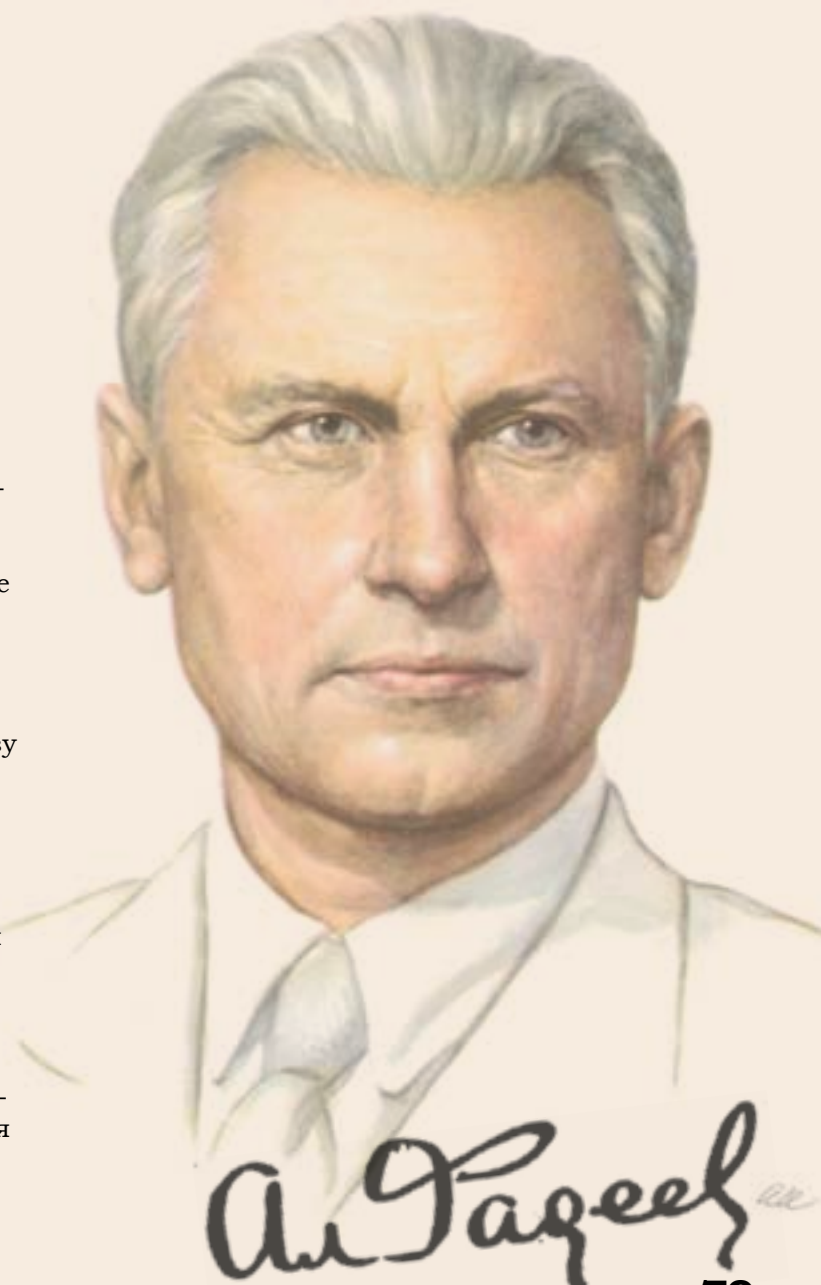
Смелостью Фадеев отличался и сам. В юности он вёл революционную борьбу, а также участвовал в боях на Дальнем Востоке. Его первое большое произведение – роман «Разгром» (1924–1926) о партизанском отряде в годы Гражданской войны – основано на собственных переживаниях и впечатлениях. Во время Великой Отечественной в качестве фронтового корреспондента газеты «Правда» и Совинформбюро Фадеев ездил в самые горячие точки.

К сожалению, на посту секретаря Союза писателей (и ещё раньше, когда он был лидером Российской ассоциации пролетарских писателей – РАПП) Фадееву тоже приходилось воевать – с авторами, сочинения которых не соответствовали идеям коммунизма. Он публично осуждал Бориса Пильняка, Евгения Замятина, Андрея Платонова, Бориса Пастернака, а также участвовал в исключении из Союза писателей Анны Ахматовой и Михаила Зощенко.

Но и здесь для Фадеева всё было не так однозначно. Он искренне считал, что новые книги должны следовать официальной линии партии, и в то же время творчество некоторых заклеимённых им с трибуны литераторов, например Пастернака, ему нравилось. Да и чисто

по-человечески Фадееву было жаль многих из тех, кого он своими заявлениями фактически обрекал на безработицу. Вот почему он передавал деньги на лечение Андрея Платонова его жене, хлопотал о жилье и пенсии для Анны Ахматовой и о денежных выплатах Михаилу Зощенко, пытался помочь в освобождении из заключения сына Ахматовой Льва Гумилёва.

После смерти Сталина из лагерей стали возвращаться люди, которые не могли простить Фадееву своего ареста. Его публично называли виновником репрессий в писательской среде. Хрущёвскую оттепель Фадеев не принял и 13 мая 1956 года застрелился на своей даче в Переделкине.

Саров

«Гадибук»

Спектакль «Гадибук» студии «Габима»

«XXXXXXXXXXXXXXXXXX», стр. XX

Уникальность этой постановки Евгения Вахтангова заключалась в том, что шла она на иврите, который не понимал ни сам режиссёр, ни многие из зрителей. Тем не менее спектакль снискал колоссальный успех сначала в Москве, а потом в мировом турне по Европе и США.

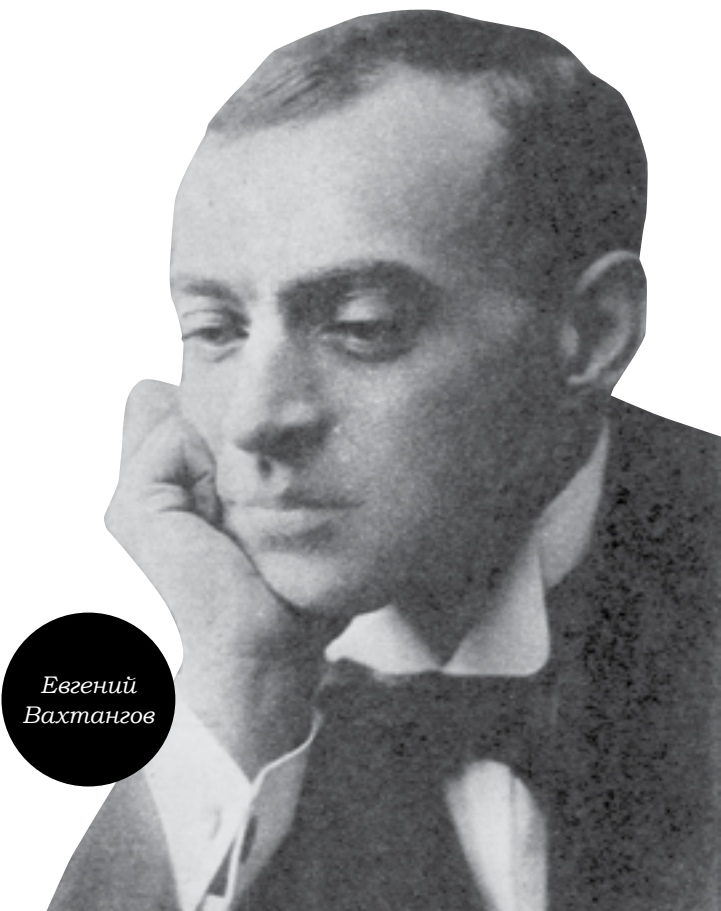
Художественным руководителем еврейской студии «Габима» Евгений Вахтангов стал по просьбе своего учителя Константина Станиславского. «Гадибук» по пьесе Семёна Ан-ского стал третьей, самой удачной её постановкой. Спектакль о трагической любви дочери богача Леи и бедняка Ханана оформлял художник Натан Альтман, стремившийся к предельной выразительности формы. Весьма экспрессивный грим по просьбе Евгения Вахтангова накладывал актёрам его ученик Юрий Завадский, который в юности брал уроки живописи у одного известного художника. «Я рисовал

на лицах, как на бумаге или на холсте», – вспоминал он.

Движения, жесты актёров были доведены Вахтанговым до гротеска. Кроме того, режиссёр добивался, чтобы речь исполнителей была интонационно богатой и сама её мелодия выражала смысл слов. Михаил Чехов, присутствовавший на одной из репетиций, сказал Вахтангову, что понимает практически всё происходящее на сцене, несмотря на то что не знает иврита. Тогда режиссёр попросил Чехова перечислить сцены, оставшиеся ему неясными, и начал вновь репетировать их с артистами, утверждая, что хорошая игра должна быть понятна независимо от языка.

Премьера «Гадибука» состоялась 31 января 1922 года, за несколько месяцев до смерти Вахтангова. Он умер в 39 лет, а его спектакль шёл на сцене в первоначальном виде более сорока лет.

В дни премьеры «Гадибука» студия «Габима» стала называться театром. В 1926-м его труппа отправилась на гастроли за рубеж – в Европу, а потом и в США. Большая часть актёров уже не вернулась в СССР: они переехали в Палестину. Там театр «Габима» продолжил свою работу и в 1946 году получил собственное здание в Тель-Авиве. Спектакль, поставленный Вахтанговым, шёл в нём вплоть до середины 1960-х годов.

Евгений Вахтангов

Anna CHEPURNOVA

UNDER THIS HEADING WE TELL ABOUT SIGNIFICANT NAMES, EXCITING EVENTS AND INTERESTING FACTS MENTIONED IN OUR REVIEW. THIS INFORMATION IS MAINLY ADDRESSED TO FOREIGN READERS WHO ARE INTERESTED IN RUSSIAN HISTORY AND CULTURE.

Sarov

«XXXXXXXXXXXX», p. XX

The coat of arms of this Nizhny Novgorod Region city shows the Sarov bell tower and an atomic nucleus. It just so happened that in the 18 th and 19 th centuries this was the location of a monastery where souls were saved. And in the 20 th century they built a military plant in its place.

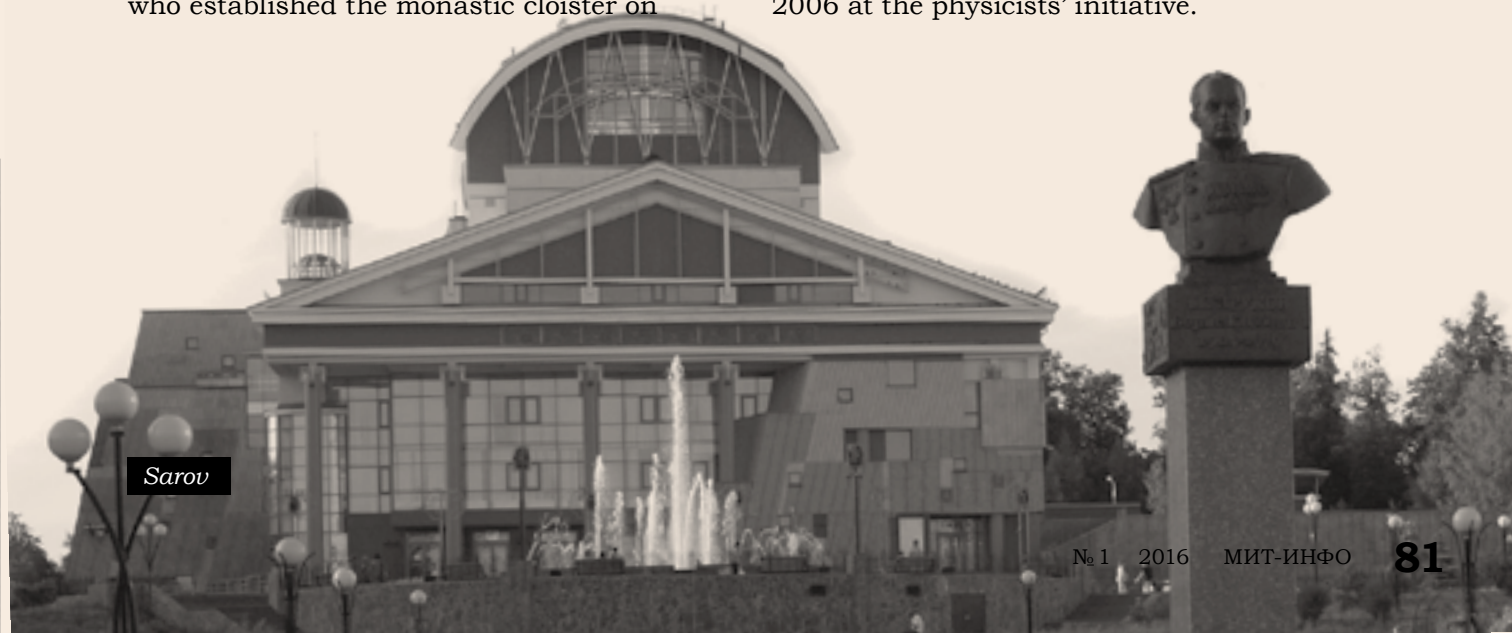
Still, the first thing most Russians think of when they hear the mention of Sarov is the Venerable Seraphim of Sarov, one of the country's most revered saints, who lived there in the late 18 th – early 19 th century. Although, back in his day this place was called the Hermitage Monastery of Sarov. It was founded in 1691 by hieromonk Isaac, who established the monastic cloister on

the bank of the Sarov River (its name comes from a Finno-Ugric root of “sara”, meaning swamp, swampy river). The monastery reached its economic prosperity toward the end of the 19 th century. And following the canonization of Seraphim of Sarov in 1903, with rich festivities that were attended by Emperor Nicholas II, the monastery became Russia's universally recognized shrine.

The 1917 Revolution proved fatal to the monastery – all of its sacred objects were desecrated in the aftermath, and in 1927 the monastery was officially eliminated. Starting that year the building of the Sarov Monastery was used first by children's labor commune and later by a labor colony for children and adult inmates.

During the World War II years, the city of Sarov was the location of a plant that manufactured shell cases for the Soviet Katyusha rocket launchers. And in 1946 the Sarov settlement was selected as the location for the Soviet nuclear research centre and the so-called Design Bureau No. 11 with research and development laboratories and design departments, which ensured an influx of engineering elite into the city (potential theatregoers). Virtually right away it was designated as a restricted access facility and Saratov became a closed city. In 1954 the Sarov settlement was given a city status and its name changed to Kremlyov. In the early 1960 s its name was changed once again to Arzamas-75 (after the city of Arzamas located nearby), and from 1966 to 1991 it was known as Arzamas-16.

These days the city is once again known as Sarov. It is the site of the All-Russian Scientific Research Institute for Experimental Physics. And the monastery was once again opened in Sarov, revived in 2006 at the physicists' initiative.

Sarov

Alexander Fadeyev

Alexander Fadeyev (1901–1956)

“XXXXXXXXXX”, p. XX

For many years Alexander Fadeyev suffered from agonizing ambivalence of desires. On the one hand he very much loved writing. On the other, he was drawn toward executive positions: for almost two decades he decided the fates of Soviet literary artists as Secretary of the Union of Soviet Writers. And even though Fadeyev frequently complained that his managerial work leaves no time for writing, he still refused to abandon that post. Admittedly, Fadeyev created one of his most famous books – *The Young Guard*, a novel about fearless young resistance fighters in the Nazi-occupied Krasnodon in 1942–1943 – when he was already in the high office.

Fadeyev himself was noted for his bravery. As a young man he was involved in revolutionary activities and also took part in the fighting in the Far East. His first major work – the novel “*The Rout*” (written

during the years 1924–1926) about a guerrilla regiment during the Civil War years – is based on his own experiences and impressions. During World War II Fadeyev went to the worst frontline hot spots as a correspondent for the *Pravda* newspaper and the Soviet Information Bureau.

Unfortunately, Fadeyev was also forced to fight in his position as Secretary of the Writers Union (as well as earlier when he was leader of the Russian Association of Proletarian Writers – RAPP) – with authors, whose works did not conform to the ideas of Communism. He publicly condemned Boris Pilnyak, Yevgeny Zamyatin, Andrei Platonov, Boris Pasternak, and also had a hand in Anna Akhmatova’s and Mikhail Zoshchenko’s expulsion from the Writers Union.

Admittedly, though, things were so black and white for Fadeyev here either. On the one hand he sincerely believed that all new books should follow the Party’s official line. On the other hand, he liked the work of some of the people he branded from the pulpit, for instance Pasternak. And for many of those that Fadeyev had virtually condemned to unemployment with his declarations he felt basic human compassion. And so he gave money to Andrei Platonov’s wife for his medical treatment, interceded for living accommodations and pension for Anna Akhmatova and for monetary compensations to Mikhail Zoshchenko, tried to help with the release of Akhmatova’s son Lev Gumilyov from prison.

Following Stalin’s death, people began returning from the labor camps, some of whom couldn’t forgive Fadeyev their arrest. He was publicly faulted for repressions among writers. Fadeyev did not accept the Khrushchev Thaw and on May 13, 1956, he shot himself at his dacha in Peredelkino.

The production of “Hadibuk” by the Habima Studio

“Хххххххххх”, p. XX

The unique nature of this production by Yevgeny Vakhtangov was that it was performed in Hebrew, which neither the director himself nor many of the spectators understood. Nevertheless, the production became a huge success first in Moscow and then in a world tour in Europe and the US.

Yevgeny Vakhtangov became artistic director of the Jewish Habima Studio at the request of his teacher Konstantin Stanislavsky. “Hadibuk”, based on a play by Semyon Ansky, became its third and most successful production. The play about a tragic love between Leah, the daughter of a rich man, and Hanan, the son of a poor man, was designed by artist Nathan Altman, who strove to achieve the utmost expression of form. The actors’ rather expressive makeup was done at Yevgeny Vakhtangov’s request by his student Yuri Zavadsky, who took painting lessons from a famous artist when he was

“Hadibuk”

a young man. “I painted on faces same as I would on paper or canvas,” he recalled.

The actors’ movements and gestures were driven to the grotesque by Vakhtangov. Moreover, the director was trying to ensure that the performers’ speech was rich in intonations and that the melody of that speech itself expressed the meaning of the words. Mikhail Chekhov, who attended one of the rehearsals, told Vakhtangov that he understood virtually everything that was taking place on stage, despite the fact that he didn’t know Hebrew. The director then asked Chekhov to list the scenes that remained unclear to him and began rehearsing those scenes again with the actors, claiming that good acting must be understood regardless of the language.

The premiere of “Hadibuk” took place on January 31, 1922 года, several months before Vakhtangov’s death. He died at the age of 39, and his production continued to be shown on stage in its original form for over forty years, in other words, its existence was longer than the director’s own life.

In the days of the “Hadibuk” premiere the Habima Studio began to be called theatre. In 1926 it headed abroad with a touring program, first to Europe, then to the US. Most of the actors didn’t return to the USSR but moved to Palestine instead. There the Habima Theatre continued its existence and in 1946 it was given its own building in Tel-Aviv. Vakhtangov’s production continued to be shown there up until mid-1960 s.

“Hadibuk”